

Джон Стейнберг

ВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И АРМЕЙСКАЯ РЕФОРМА (1856–1904): НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА СПАСТИ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

За время, прошедшее от победы над Наполеоном до свержения династии Романовых, российская армия утратила свой прежний статус владычицы европейских полей сражений, в конце концов развалившись в хаосе Первой мировой войны и революции. Однако превосходство русской военной машины, в постнаполеоновский период превратившейся в «жандарма Европы», никем не оспаривалось в первой половине XIX века. Именно в это время русская армия вышла победительницей из войны с Османской империей 1828–1829 гг. В годы правления Николая I (1825–1855) и Александра II (1855–1881) русские войска успешно воевали на Кавказе и в Персии, а в 1860-е и 1870-е гг. покорили для империи Среднюю Азию. Более того, одновременно с ведением колониальных войн императорская армия также подавляла внутренние восстания, самыми известными из которых были польские восстания 1831 и 1864 гг., в то же время выполняя роль внутренних полицейских сил там, где это было необходимо. Эти оперативные успехи служили делу подготовки солдат и офицеров и их обучения военному искусству, в то же время наполняя подданных царя гордостью за империю. В целом, за XIX век русская императорская армия выиграла больше сражений и войн, чем проиграла, одновременно являясь для империи источником политической и социальной стабильности.

Тем не менее императорская армия позднего периода больше всего запомнилась поражениями, которые она потерпела от коалиции великих

держав (Франции, Великобритании и Турции) в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. и от японцев во время русско-японской войны (1904–1905 гг.). Потрясение и потери, вызванные неудачей в Крыму, потребовали полной переоценки боевых возможностей русской военной машины. Соответственно, в данной статье мы исследуем источники и причины, позволившие России побеждать в большей части войн, которые она вела, и все же, в конечном счете, не сумевшие спасти державу от ее многочисленных врагов в посткрымский период. Неразрывно связанная со всей социально-политической сферой российской истории, модернизация вооруженных сил являлась целью большинства русских правителей начиная с Петра I, создателя гвардейских полков, которые к концу XIX в. являлись воплощением русской военной традиции. Поэтому ключевой темой данной статьи станет вопрос о том, каким образом институциональные реформы 1860-х и 1870-х гг. привели к перестройке русского военного образования, издавна представлявшего собой вотчину аристократии. Особое внимание будет уделено новому типу учебных заведений, созданных в 1860-е гг., — военных училищ, а также Николаевской академии Генерального штаба, которая обеспечивала подготовку русского верховного командования в конце XIX — начале XX в.

Тревожным для русской аристократии в середине XIX в. было то, что в результате посткрымских реформ доступ в офицерский корпус оказался открыт для всех способных подданных империи. Перемены, навязанные России современностью, начиная от индустриальной революции и заканчивая ростом националистических и демократических движений, подрывали позиции русской аристократии. Одновременно с тем, как эпоха прогресса трансформировала и международное, и стратегическое окружение, сравнительно малочисленные высшие классы России уже не могли обеспечить военную машину достаточным числом людей на все офицерские должности в новой массовой призывной армии. Этот процесс, порой именуемый демократизацией офицерского корпуса, также станет одной из тем данной статьи. Подготовка офицеров к командованию войсками на индустриализованном поле боя, которое уместнее всего охарактеризовать как окружение, состоящее из все более смертоносных систем оружия, оказавшихся на вооружении массовых армий, своей численностью превосходящих любое войско, когда-либо собранное Наполеоном, стала серьезной задачей для правителей Российской империи, стремившихся реформировать свою потрепанную военную систему. Ситуация требовала срочных мер в силу того, что старая элита держала в своих руках все командные должности. Как выражался один знаток русской армии, типичный офицер императорской гвардии был твердолобой, ревнивой, упрямой, амбициозной и гордой личностью. Хуже того, эти люди погрязли в мире, в котором наивысшее значение придава-

лось «мелочам армейской муштры и военной формы»¹. Гвардейские офицеры воспитывались в убеждении, что им по праву рождения надлежит возглавлять русское верховное командование, и, несмотря на изменения, которые нес с собой ход времени, они делали все для того, чтобы сохранить свой престиж и свои позиции. В итоге эти убеждения превратились в серьезное препятствие для всех, кто пытался реформировать и модернизировать армию в посткрымский период. Традиционная военная элита, негодуя, все же вытерпела реформу своих учебных заведений, однако видоизменение того, что происходило на плац-параде, предназначавшемся для военной подготовки войск путем бесконечных строевых упражнений, шло вразрез со всеми военными традициями, начиная с той роли, которую играл царь в императорской армии².

Николай I и его армия

Как хорошо известно, Николай I пришел к власти в обстановке династической неразберихи. К досаде человека, который всегда считал себя в первую очередь солдатом, а не политическим лидером, ему, взойдя на престол, сразу же пришлось подавлять бунт значительной части гвардейских офицеров, восставших с целью вынудить режим к политическим изменениям. События, связанные с восстанием декабристов, еще сильнее укрепили у царя недоверие к любым новшествам. Более того, они вынудили Николая не только усомниться в личной преданности всех его офицеров, но и тщательно изучить возможности своей армии, чем он занимался в течение всего своего царствования путем назначения специальных правительственных комиссий, обычно состоявших из офицеров, которым он доверял. Например, один из уроков, преподанных русско-турецкой войной 1828–1829 гг., состоял в том, что армия становится слишком велика для того, чтобы ею мог руководить один командир на поле боя. Эта проблема впервые всплыла еще в наполеоновскую эпоху, но на институциональном уровне для ее решения не было ничего сделано. При всем негибелом консерватизме Николая I он в то же время признавал серьезность этой проблемы для будущего армии и пришел к выводу, что ему требуются кадровые штабные офицеры, единственной задачей которых будет командовать крупномасштабными скоплениями войск на поле боя. С целью ускорить появление таких квали-

¹ Dominic Lieven. *Russia against Napoleon*. New York: Viking, 2009. P. 54–55.

² John L. H. Keep. *The Military Style of the Romanov Rulers* // *War and Society*. 1:2. September 1983. P. 61–84.

фицированных офицеров царь пригласил в Россию швейцарского барона и генерала времен наполеоновских войн Антуана-Анри Жомини, поручив ему создание Императорской военной академии — так на свет появилась русская Академия Генерального штаба³. Однако Николай I оставался таким убежденным сторонником русских военных традиций, что он, вопреки советам барона Жомини, добился того, чтобы офицеры, обучавшиеся в Академии Генерального штаба в 1830-е и 1840-е гг., ежедневно должны были по три часа заниматься на плац-параде строевыми упражнениями⁴.

Подобная система существовала на протяжении всего бурного XVIII века, способствуя вхождению России в число великих держав и в конечном счете сыграв важную, если не решающую роль в разгроме Наполеона в 1812–1814 гг. Офицеры императорской гвардии — костяк этой военной системы — служили опорой и источником престижа для престола, в силу чего сохраняли свои неприкосновенные позиции в рамках военной машины вне зависимости от докладов любых комиссий, создававшихся Николаем I для инспекции своей армии. С начала XVIII века, в период, последовавший за смертью Петра I в 1725 г., офицеры императорской гвардии пользовались своим аристократическим происхождением и соответствующими связями для того, чтобы контролировать назначения на все главные командные должности в армии. Ничто не служило более явным символом их привилегированного статуса, чем существование кадетских корпусов — учебных заведений, основанных в правление императрицы Анны (1730–1740) в качестве награды гвардейским офицерам, способствовавшим ее восхождению на престол: их дети теперь могли получать бесплатное военное образование⁵. Молодые аристократы, обучавшиеся в кадетских корпусах, получали и военную подготовку, и политическое воспитание, учившее их поддерживать режим. Обучение в кадетском корпусе служило для молодых офицеров пропуском и в гвардейские полки, и даже в круг ближайших военных приближенных царя и царицы —

³ Первоначально основанная в 1832 г. по приказу Николая I, обратившегося к барону А.-А. Жомини с просьбой организовать ее, первая российская штабная академия была названа Императорской военной академией. После смерти Николая I и в порядке признания особой роли академии в подготовке офицеров, она 30 августа 1855 г. была переименована в Николаевскую академию Генерального штаба. Краткий обзор истории российской Академии Генерального штаба см.: *Маишин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997. С. 27–42. Двумя важными исследованиями по истории академии являются: *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1882; *Гейсман П. А.* Учреждение Императорской Военной Академии // Военный сборник. 1908. № 11. С. 81–98; О Жомини см.: *Sby, John. Jomini // Peter Paret, ed. Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age.* Princeton, 1986. P. 143–186.

⁴ *John Keep.* Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 346.

⁵ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2002. О политических истоках кадетских корпусов см. на с. 110–120.

императорскую свиту. С ведома и одобрения самодержца гвардейские офицеры использовали свои связи для того, чтобы сохранить контроль над верховным командованием армии, а также не допустить проникновения в его ряды военнослужащих скромного происхождения. Традиции и нравы этой военной системы выковывались во время смотров и учений на плац-парадах с их помпезностью и стилем; ее легитимность была подтверждена ключевой ролью, которую российская армия сыграла в разгроме Наполеона.

Д. А. Милютин и великие реформы

Однако потрясшее всех поражение в Крымской войне не могло не вскрыть недостатков царской военной машины, что, в свою очередь, сыграло роль катализатора на пути России к великим реформам. Поражение в Крымской войне требовало срочных мер для преодоления выявленной военной слабости России. В то время как целью и главным достижением великих реформ было освобождение крепостных, эти реформы затронули большинство аспектов российского общества. Ключевая задача для русской военной машины сводилась к тому, чтобы преобразовать крепостническую армию, находившуюся под командованием аристократии, в массовую призывную армию во главе с офицерами, оказавшимися на высших командных должностях вследствие своих способностей, а не социальных связей. Вероятно, никто лучше не понимал проблем, создаваемых стремительно изменяющимся миром, чем Д. А. Милютин, которого Александр II в 1861 г. назначил военным министром. Милютин сыграл ключевую роль в попытках Александра II модернизировать русскую военную машину в период великих реформ. Главная сложность состояла в необходимости реформировать военную систему, благоприятствующую аристократам, с тем чтобы восстановить блеск императорской армии, в то же время обеспечивая политическую и военную поддержку режима.

Что выделяло Милютина из числа его сверстников, так это способность разглядеть общую картину за дымовой завесой войны и политики. Отец Милютина был небогат, но его семья имела достаточно связей для того, чтобы Милютин начал свою военную карьеру в качестве юнкера в лейб-гвардейском полку, а благодаря интеллектуальным способностям он в 30-летнем возрасте в 1836 г. стал одним из первых выпускников Императорской военной академии. С 1837 по 1845 гг. он дважды служил на Кавказе — театре непрерывных военных действий, где армия Николая I получала боевой опыт, — а после ранения в ходе первой из этих командировок получил десятимесячный отпуск

для лечения в Европе. Кульминацией раннего периода его карьеры стало присвоение ему чина подполковника и произошедшее в 1845 г. назначение в военную академию в качестве профессора военной географии. Никогда не теряя времени даром, Милютин получил известность в интеллектуальных кругах за исследование взаимосвязи между ресурсами и военным потенциалом страны, первым применив статистический анализ к военной географии. Его статистическое исследование ресурсов противника по отношению к театрам военных действий не только стало зародышем современных методов сбора разведывательной информации, но и создало устойчивую традицию, которая заняла заметное место в обучении будущих российских и советских штабных офицеров. Во время Крымской войны Милютин нес службу в императорской свите, и после того, как исход конфликта уже ни у кого не вызывал сомнений, оказался в позиции, позволявшей ему выступать с предложениями реформ⁶.

Когда в столице после крымского поражения задули ветры перемен, Милютин, поначалу не нашедший понимания, на четыре года вернулся на Кавказ, где получил возможность проверить свои теории на практике в качестве начальника штаба у генерала Барятинского⁷. Совместно они положили начало процессу, который в конце концов привел к умиротворению кавказских повстанцев, сражавшихся с царскими войсками в течение почти всего правления Николая I. Вернувшись в 1860 г. в Санкт-Петербург, Милютин вступил в ряды императорских чиновников, вполне подготовленных к реформированию всех аспектов жизни в России⁸. Служба в армии и путешествия по Европе не только привели Милютина к реформаторским идеям, основанным на серьезных исследованиях, хорошем знании мира и обширном опыте, но и наделили его ясным пониманием всех сложностей имперской политики. После своего назначения военным министром 9 ноября 1861 г. Милютин начал процесс полной перестройки российских военных институтов в ходе ряда дальновидных реформ. Во-первых, он создал военные округа с целью

⁶ Подробности биографии Милютина см.: *Осипова М. Н.* Д. А. Милютин. М.: Animi Fortitudo, 2005; или обстоятельное исследование, вышедшее сразу после его смерти: *Бильдерлинг А.* Граф Дмитрий Алексеевич Милютин // Военный сборник. № 2. Февраль 1912. С. 3–16. По-английски см.: *Forrest A. Miller.* Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Nashville, Vanderbilt University Press, 1968.

⁷ Вскоре после поражения русской армии в Крыму Милютин стал увязывать попытки военной модернизации с освобождением российских крепостных, вследствие чего оказался в рядах откровенных сторонников серьезных реформ. В итоге он вернулся в действующую армию на Кавказе, где и находился до тех пор, пока в ходе развития дискуссий о реформах его взгляды не стали приемлемыми. См.: *John Keep.* Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia, 1462–1874. P. 356.

⁸ Для лучшего понимания всех хитросплетений русской бюрократической политики в эпоху великих реформ см.: *W. Bruce Lincoln.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. Dekalb, IL: Northern Illinois University Press, 1982; и его же: *The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia.* Dekalb, IL: Northern Illinois University Press, 1990.

централизации власти военного министерства по всей империи; каждый военный округ стал административной единицей, подотчетной военному министерству и выполнявшей задачу обучения, подготовки и снабжения всем необходимым войск, находившихся под началом округа. Одновременно с этой перестройкой административной структуры армии вторая важная реформа Милютина переделывала на новый лад всю систему военного образования. Посредством этих реформ Милютин повысил качество военного образования, а также, открыв новые учебные заведения, обеспечил всем российским мужчинам возможность сделать в армии карьеру на основе своих личных заслуг. Однако реформаторские усилия Милютина увенчались наибольшим успехом, когда он убедил Александра II в 1874 г. принять закон о всеобщей воинской повинности. Эта реформа обеспечила армию кадрами для обучения призывников в соответствии с ее новой административной структурой и тем самым дала России массовую призывную армию. Таким образом, закон 1874 г. о всеобщей воинской повинности стал подтверждением того, что Россия собирается присоединиться к европейским державам в деле создания и содержания вооруженной нации, обладающей потенциалом к мобилизации такого же, если не большего, количества людей и ресурсов, какое могли выставить все западноевропейские державы, вместе взятые. Отныне перед Россией стояла задача оптимального использования этих ресурсов с целью сохранения своего влияния и имперского статуса⁹.

В разгар своей реформаторской деятельности Милютин раскрыл существование у него единого плана, нацеленного на общее усовершенствование российской военной машины. Более того, внимание, которое Милютин уделял военному образованию, свидетельствовало о том, что, по его мнению, судьба империи зависела от наличия высокообразованного, профессионального офицерского корпуса, способного привести вооруженную нацию к победе. Старый метод образования и тренировки офицерского корпуса не позволял дать людей, подготовленных к занятию командных должностей в современной армии, и не обеспечивал достаточного числа офицеров для существенно увеличившейся в размерах массовой призывной армии. Соответственно, военно-учебные реформы Милютина не только способствовали формированию профессиональной идентичности в ходе обучения офицеров в реформированных учебных заведениях, но и были призваны резко увеличить число людей, из которых готовили офицеров императорской армии. Поэтому Милютин стремился поднять стандарты образования,

⁹ Впервые Милютин систематически изложил свои планы реформ в представленном в январе 1862 г. докладе Александру II, целиком перепечатанном в: Столетие Военного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д. А. Скалона. Т. 1. СПб., 1902. С. 70–183 (Приложение). Впоследствии Милютин дал истолкование своих реформ в: Военные реформы Императора Александра II // Вестник Европы. 1882. № 1. С. 5–35.

в то же время увеличивая число мест в военно-учебных заведениях. С целью достижения обеих целей он в первую очередь провел преобразование кадетских корпусов, в которых издавна обучались исключительно офицеры гвардии, в военные гимназии, куда принимали любых достаточно способных учащихся вне зависимости от их социального происхождения¹⁰. Кроме того, он реорганизовал и упорядочил юнкерские училища, создал возможности для молодых талантливых солдат, служивших в армии, но не обладавших достаточным образованием для поступления в военные гимназии¹¹.

Из всех военно-учебных реформ Милютина самым важным было создание специализированных военно-учебных заведений нового уровня, известных как военные училища. Они были призваны обеспечить дальнейшее военное образование для офицеров, давая им специальную военную подготовку как практического, так и теоретического плана¹². В то время как офицерский чин присваивался выпускникам кадетских корпусов и юнкерских училищ, целью военных училищ было расширенное образование офицеров путем их ознакомления с тактическими и оперативными требованиями тех родов войск, в которых они намеревались продолжить свою карьеру. Если бы военные училища преуспели в этой задаче, они бы дали русским офицерам квалификацию, необходимую для занятия высших командных должностей в армии.

Соответственно, выпускники кадетских корпусов или юнкерских училищ разделялись на три общие категории, в зависимости от своих прежних успехов в учебе. После двух лет службы в полевой армии офицеры, закончившие учебное заведение с отличием, имели возможность продолжить свое военное образование и автоматически получали допуск в одно из шести элитных военных училищ империи. Из шести военных училищ, основанных Милютиным в 1860-х гг., три — Павловское, Константиновское и Александровское — были пехотными, в то время как три остальных готовили офицеров к службе в более специализированных родах войск: это были Михайловское артиллерийское училище, Николаевское кавалерийское училище и еще одно Николаевское училище для офицеров инженерного корпуса¹³.

¹⁰ Об истории кадетских корпусов во время и после великих реформ см.: *John W. Steinberg, D. A. Milutin's Impact on the Education of the Russian Officer Corps // The Making of Russian History: Society, Culture, and the Politics of Modern Russia, Essays in Honor of Allan K. Wildman, John W. Steinberg & Rex Wade, eds. Bloomington, IN: Slavica Academic Publishers, 2009.*

¹¹ См. лучшее англоязычное исследование об этих заведениях: *J. E. O. Screen, The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of Officer Training in the Russian Army, Helsinki, 1986.* О реформе юнкерских училищ см.: *Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 240–246.*

¹² Постановления о военно-учебных заведениях. Свод военных постановлений, издания 1869. Кн. 15. СПб., 1871. С. 99.

¹³ *Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 313.* Летом 1914 г. в стране насчитывалось уже 15 военных училищ.

После двухгодичного обучения в этих училищах офицеры направлялись в свои полки, обладая достаточной квалификацией для назначения на высшие армейские должности. Однако при создании этих военных училищ необходимо было учитывать настроения императорской гвардии — приближенной к царю военной элиты. Поэтому 16 сентября 1863 г. Павловский кадетский корпус был формально переименован в Павловское военное училище, став первым и главным специальным военным училищем в империи до самой революции 1917 г. Павловское военное училище, расположенное в столице империи — Санкт-Петербурге, в глазах знати своим престижем уступало лишь Пажескому корпусу¹⁴. Реорганизовав его в специальное военное училище, Милютин согласился сохранить классовый характер этого заведения, тем самым заручившись молчаливым одобрением военных училищ со стороны гвардейских офицеров. Обучение в двух других училищах — Константиновском и Александровском — было доступно и для офицеров более низкого социального происхождения¹⁵. Ставя перед собой цель устранить привилегии, которые социальный статус давал в рамках военной машины, Милютин был готов идти в этом плане на компромиссы, если они способствовали решению долговременных стратегических задач.

Создание и стандартизация учебного плана для всей системы русского профессионального военного образования обеспечили Милютину средство нивелирования социальных различий в русском офицерском корпусе. Долго составлявшийся официальный учебный план для военных училищ был издан в 1883 г. под названием «Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах». Эта инструкция исходила из Главного управления военно-учебных заведений, которому подчинялись все военно-учебные заведения империи. Как и в случае с кадетскими корпусами, учебный план военных училищ делился на две части: общеобразовательные и специальные военные предметы. Однако, в отличие от кадетских корпусов, в военных училищах основной упор, естественно, делался на специальные предметы. В результате начиная с 1880-х гг. (по иронии судьбы, вскоре после того, как Милютин лишился своей должности) программа военных училищ включала в себя следующие предметы¹⁶:

¹⁴ Пажеский корпус был создан в начале XIX в. исключительно для обучения детей высшей аристократии и их подготовки к гражданской и военной службе царю. См.: *Левшин Д. М.* Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет. 2 тт. СПб., 1902.

¹⁵ *Гребеничиков А.* Павловцы: Павловское военное училище в 1909–1911 гг. Архив Бахметьева, Колумбийский университет (Bakhmetieff Archive, Columbia University). Неопубликованная рукопись. С. 6–11.

¹⁶ Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах. СПб., 1883. С. 5–9 (далее — ИУЧ).

**Учебный план военных училищ с числом академических часов,
уделявшихся каждому предмету в неделю**

	1883		1898	
Предмет	Мл. класс	Ст. класс	Мл. класс	Ст. класс
А) Специальные военные предметы				
Тактика	3	4	3	4
Военная история	0	2	0	2
Артиллерия	2	3	2	3
Фортификация	2	3	2	3
Военная топография	3	2	3	1
Военная админ.	0	2	0	2
Военное право	1	2	1	2
Итого	10	18	11	17
Б) Общеобразовательные предметы				
Закон божий	1	0	1	1
Инженерное дело	3	0	3	0
Химия	3	0	3	0
Русский	2	2	2	2
Французский	1	1	1	1
Немецкий	1	1	1	1
Итого	11	4	11	5

Источники: информация за 1883 г. содержится в «Инструкции...» (ИУЧ). Информация за 1898 г. относится только к Павловскому военному училищу и взята из: Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома, 1798–1898. СПб, 1898. С. 717.

На первом году обучения офицерам, поступившим в военное училище, преподавались как общеобразовательные (закон божий, инженерное дело, химия, русский, французский, немецкий языки), так и специальные предметы. На втором году обучения основное внимание уделялось таким специальным военным предметам, как тактика, военная история, артиллерия, топография, военная администрация и военное право. Такое содержание учебного плана свидетельствует о хронической потребности в образовании не только для армии, но и для России в целом. Офицерам, поступавшим в военные училища, не хватало языковых и общеобразовательных навыков, и поэтому двухлетний учебный план включал один год интенсивного обще-

го образования, за которым следовал еще год специализированного военного образования.

Несомненно, самым важным предметом из преподававшихся в специальных военных училищах была тактика. Согласно «Инструкции...» (ИУЧ) 1883 г., цель курса тактики состояла в том, чтобы изучать «боевое устройство трех родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии. Соединение трех родов оружия. Организация отрядов. Боевые порядки. Местность и ее влияние на действия войск. Расположение войск на отдых. Охранение войск. Походные движения войск в сфере влияния противника. Бой. Управление войсками в бою. Употребление войск в некоторых частных случаях»¹⁷.

В «Инструкции...» содержался четкий набор практических указаний, на которые могли полагаться офицеры и их преподаватели. Однако в некоторых мемуарах, посвященных данному периоду, сообщается, что содержание занятий по тактике состояло в изучении трудов Суворова, интерпретировавшихся через призму мышления генерала М. И. Драгомирова. Идея об изучении прикладной тактики на основе оперативных принципов XVIII века дожила в военных училищах по меньшей мере до периода после русско-японской войны! Кроме того, на втором году обучения в училище курс тактики самым непосредственным образом дополнялся занятиями по военной истории, в ходе которых офицеры изучали классические военные кампании — такие, как вторжение Ганнибала в Италию или многочисленные кампании Наполеона. Не следует недооценивать влияние М. И. Драгомирова на преподавание тактики в этих училищах. Как отмечал П. Н. Краснов, помимо чтения его учебника, учащиеся получали много указаний о том, как тренировать солдат в соответствии с освященными временем драгомировскими принципами «воспитания» и «образования»¹⁸.

Из дальнейшего изучения мемуаров мы увидим, что учебный день в Павловском военном училище начинался в 6.00; первый час уделялся упражнениям, второй отводился на завтрак. С 8.00 до 12.00 офицеры занимались в небольших (по 35 человек) классах, выучивая наизусть содержание лекций; проверка их знаний проводилась путем строгих контрольных работ. После часового перерыва на обед офицеры в 13.00 собирались на плац-параде для прикладных полевых упражнений, на которые уделялось три часа. В мемуарах отмечается, что в реальности полевые упражнения сводились

¹⁷ ИУЧ. С. 5.

¹⁸ Краснов П. Н. Павловцы: 1-е военное павловское училище полвека тому назад. Париж, 1943. С. 21; Гребенщиков. Павловцы. С. 383–385. Наилучший англоязычный анализ идей Драгомирова см.: Bruce W. Menning, *Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Bloomington, IN, 1992. P. 39.

к тому, что офицеры занимались гимнастикой, призванной поддержать здоровый дух в здоровом теле. Затем следовал перерыв на ужин, после которого офицеры до 20.00 занимались в библиотеке. После того, как та закрывалась в 20.00, офицеры расходились по казармам, где им разрешалось заниматься вплоть до отбоя в 22.00¹⁹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при обучении русских офицеров очень мало внимания уделялось практическому овладению ими элементарных навыков, необходимых для командования частями на поле боя.

Вершину профессионального военного образования в России представляла Николаевская академия Генерального штаба. Предполагалось, что выпускники Николаевской академии представляют собой сливки офицерского корпуса, обладающие достаточным образованием и подготовкой для того, чтобы стать военными профессионалами. В рамках своих военно-учебных реформ Милютин преобразовал Императорскую военную академию в Николаевскую академию Генерального штаба с целью выпускать из нее офицеров, достаточно образованных и подготовленных для того, чтобы не теряться и успешно действовать в том сложном мире, в котором им предстояло вести русские войска к победе²⁰. Ради достижения этой цели Милютин пересмотрел процедуру приема в академию, сделал ее расписание более строгим и выступал за то, сделать обучение в академии Генерального штаба более привлекательным. Для того чтобы поступить в академию, продолжать обучение в ней и получить диплом об ее окончании, учащимся требовалось выдержать многочисленные экзамены, которые начинались на окружном уровне и заканчивались защитой работы на военно-историческую тему перед комиссией из преподавателей академии; написанию этой работы посвящался третий год обучения. К началу XX века окончание академии Генерального штаба стало для офицеров самым верным способом получить назначение в Генеральный штаб и на высшие командные должности в армии. В этот период неотъемлемой частью системы русского военного образования стали прогрессивные профессионально мыслящие офицеры, понимавшие, в чем состоят задачи офицеров Генерального штаба. Эти задачи — обучение войск в мирное время и координация перемещений живой силы и материальных средств в военное время — определяли круг полномочий военных вождей и командиров на смертоносном, индустриализованном поле боя конца XIX — начала XX в.

¹⁹ Гребенщиков. С. 22–27; Краснов. С. 23–24.

²⁰ Глиноецкий. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба; Carl Van Dyke. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. Westport, CT, 1990.

Составляя первый учебный план Военной академии, барон Жomini имел в виду цель создать для офицеров научное святилище, в котором они могли бы посвятить свои силы превращению в интеллектуальную головку армии. В результате вплоть до Милютинa их занятия проходили в классных комнатах, где они собирали статистические данные о противнике, читали книги по военной истории и изучали различные академические предметы²¹. Милютин сыграл ключевую роль во включении в учебный курс академии сбора информации о военных возможностях друзей и врагов России, что впоследствии стало неотъемлемой частью обязанностей офицеров Генерального штаба, занимавших должности в руководящих штабах армии. Исходя из своего опыта службы в Генштабе, Милютин в качестве военного министра начиная с 1860-х гг. добавил в учебный курс офицеров Генерального штаба дополнительное число полевых упражнений, призванных повысить эффективность офицерской подготовки в мирное время. Однако старые традиции отмирали с трудом; строевые занятия на плац-параде оставались святыней для гвардейских офицеров, а акцент в академическом образовании по-прежнему делался на развитии навыков, необходимых для управления войсками, а не командования ими на поле боя. Более того, как наглядно показывает следующая таблица, в эпоху великих реформ немногие офицеры стремились учиться в Академии:

**Статистика поступления в Николаевскую академию
Генерального штаба, 1862–1879**

Год	Количество абитуриентов	Количество зачисленных в академию	Количество выпускников
1862	144	77	78
1863	9	8	32
1864	18	12	48
1865	38	22	14
1866	43	31	10
1867	61	34	22
1868	47	27	26
1869	30	20	—
1870	—	27	23

²¹ Carl Van Dyke. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. P. 58–62.

Год	Количество абитуриентов	Количество зачисленных в академию	Количество выпускников
1871	—	36	24
1872	—	36	17
1873	—	30	17
1874	—	40	23
1875	—	37	21
1876	—	48	24
1877	—	15	24
1878	—	86	58
1879	—	100	—
Итого	390	687	461

Источники: таблица составлена на основании двух источников. Первый из них: Богданович М. И. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). СПб, 1879–1881. Т. 3. Приложение 54; Т. 5. Приложение 95. Другой источник, в котором обсуждаются эти цифры: Голодобов А. Наша Академия Генерального Штаба // Военный сборник. Т. LXXIX. Май 1871. № 5. С. 74.

Хотя Милютин стремился поднять стандарты обучения в Николаевской академии так же, как во всех военно-учебных заведениях, до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. офицеров Генерального штаба рассматривали в армии скорее в качестве полковых чиновников, нежели боевых командиров. Тем не менее Милютин сумел повысить уровень подготовки и образования офицеров, которые со временем вошли в состав верховного армейского командования; теперь его системе военно-учебных заведений требовалось время для того, чтобы упрямые традиционалисты сдали свои позиции и реформаторски настроенные, прогрессивно мыслящие военные профессионалы могли в полной мере воспользоваться открывшимися перед ними перспективами²².

Реформы Милютина создали для целеустремленных и решительных учащихся возможность достичь высших командных должностей в армии,

²² См. следующие важные исследования по Великим реформам: Forrest A. Miller, Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Nashville, 1968; Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. Об идеях самого Д. А. Милютина см.: Дневник Д. А. Милютина / Под ред. П. А. Зайончковского. В 4 т. М., 1947–1950; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1860–62 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999. О событиях начала 1862 г. см. с. 297–304. По военно-учебным заведениям в России на рубеже веков см.: Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных главному их управлению, 1881–1891. СПб., 1892; Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III, 1881–1894. СПб., 1903; Thomas Darlington. Education in Russia. London, 1909.

устранив к этому препятствия. Существование образованных офицеров было необходимо для заполнения вакансий в массовой призывной армии. Не менее важным было и то, что агитация Милютина за образовательные реформы привела к началу дискуссий о преподавательских и педагогических методах, применявшихся в профессиональных военно-учебных заведениях вплоть до падения династии Романовых. Милютин понимал, что одного лишь заучивания лекций, прочитанных в классах, недостаточно для подготовки офицеров, готовых к роли командиров на современном поле боя. Во всех русских военно-учебных заведениях перевод с одного курса на другой и выпуск учащихся осуществлялся по результатам экзаменов, в ходе которых проверялось, выучили ли офицеры все положения полевых уставов, относящиеся к дисциплине, караульной службе и применению личного оружия²³. Возможно, еще более вредным, но типичным для всего русского военного обучения вплоть до периода после русско-японской войны было то, что система обучения в военно-учебных заведениях от низших до академии Генерального штаба была основана на запоминании и повторении. На лекциях преподаватели лишь читали и едва объясняли материал, необходимый для сдачи экзаменов²⁴. Более того, преподавателей обвиняли в несоответствии стоящим перед ними задачам; так, например, курс военной истории нередко сводился к историям о героизме данного полка, знание которых считалось необходимым для службы в этом полку, но которые не давали практически никаких знаний в стратегической, оперативной, тактической и иных сферах²⁵. И если Милютин мог открыть доступ в военно-учебные заведения для всех способных подданных империи вне зависимости от их социального происхождения, то добиться от преподавательского состава, чтобы он отказался от своих прежних методов, представляло собой куда более серьезную задачу.

Еще большей проблемой являлось то, что ради реального повышения эффективности военного обучения в России императорской армии требовалось пересмотреть цели и методы проведения ежегодных маневров. Вместо того, чтобы использовать летние учения как возможность произвести на царя впечатление четкостью парадного строя, ежегодные маневры следовало превратить в средство приобретения серьезного опыта, знакомившее не только штабных офицеров, но и всех военнослужащих как с механикой сражений, так и с марш-бросками, маневрами и, что самое важное, с методами снабжения войск всем необходимым в оперативных условиях.

²³ Гребеничиков. С. 241–242.

²⁴ Там же. С. 78.

²⁵ Там же. С. 383.

Различные административные реформы, сопровождавшиеся совершенствованием учебного плана во всех военно-учебных заведениях, не могли наделить будущих военных вождей опытом, необходимым для эффективного командования войсками. Вероятно, самая важная часть их обучения приходилась на летние месяцы, когда все офицеры, находившиеся на действительной службе (включая и учащихся военно-учебных заведений), отправлялись в ежегодные летние лагеря для проведения полевых маневров и участия в военных играх. Целью этих учений была практическая тренировка офицеров, призванная подготовить их к тому дню, когда они получат повышение и встанут во главе своего собственного полка²⁶. Продолжительность пребывания в этих лагерях могла достигать двенадцати недель, в течение которых офицеры порой по большей части лишь состязались друг с другом в меткости на стрельбище. Обычно маневры начинались только после формального смотра, по возможности проводившегося в присутствии царя, причем этот смотр мог как обеспечить, так и сломать офицеру карьеру. Соответственно, практическая польза этих учений подвергалась суровой критике. Слишком часто цель пребывания в летних лагерях заключалась в том, чтобы произвести благоприятное впечатление на царя или какого-либо другого представителя царской семьи или верховного командования и тем самым гарантированно обеспечить себе быстрое повышение в чинах. Этот анахронистический обычай удержался в императорской армии вплоть до крушения империи. Милютин, несмотря на всю свою энергию, авторитет военного министра и реформаторскую дальновидность, почти ничего не сделал для того, чтобы изменить подобную практику полевых учений императорской армии в период великих реформ²⁷.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В качестве примера неудачи военно-учебных реформ можно рассмотреть конфликт с Турцией. Насколько возросли возможности императорской армии, со всей наглядностью вскрылось во время войны с турками. Двухвековое противостояние Российской империи и османской Турции имело две основные причины: географическую гегемонию над стратегически важным входом в Чёрное море (Дарданеллы, Мраморное море и пролив Босфор) и религиозную причину. С момента завоевания османами Византийской

---

²⁶ ИУЧ. С. 48–53.

²⁷ Военная история Отечества с древних времен до наших дней / Под ред. В. А. Золотарева и др. Т. 2. М., 1995. С. 5–28.

империи все европейские великие державы использовали положение христианских подданных султана как повод для вмешательства в турецкие дела. В период после Крымской войны вопрос национального самоопределения балканских народов еще сильнее осложнил отношения между Константинополем и Санкт-Петербургом. Напряжение, порождавшееся главным образом выступлениями сербов, румын и болгар против турецкой налоговой политики, возрастало на протяжении всех 1870-х гг. Это в сочетании с распространением в России панславянских чаяний дало царю Александру II причину для возможного вооруженного противостояния с турками. Обещанный Габсбургами нейтралитет устранил последние сомнения, и Российская империя 24 апреля 1877 г. объявила войну Османской империи. Этот очередной этап русско-турецкого противостояния выявил очевидные улучшения на административном и организационном уровнях, наилучшим выражением которых стал военный план. Более того, в период мобилизации офицеры Генерального штаба продемонстрировали значительное профессиональное мастерство, с которым они выполняли этот план. Однако сразу же после того, как в предрассветные часы 15 июня русские войска вторглись на Балканы, вскрылись всевозможные оперативные недостатки, из-за которых армия в последующие месяцы и годы столкнулась с колоссальными проблемами²⁸.

Хотя военные действия происходили на двух театрах — Балканском и Кавказском, главным полем сражений в этой войне стала Болгария, в которую императорская армия вторглась через Румынию. Первоначально ни один наблюдатель не сомневался в том, что реформы Милютина оказали позитивное влияние на ход войны. Вступление императорской армии в Румынию в июне 1877 г. было тщательно спланировано офицерами Генерального штаба под руководством Н. Н. Обручева, которого иногда называют русским Мольтке; Обручев возглавлял военное планирование в Главном штабе — административном органе, отвечавшем за оперативную сторону действий императорской армии²⁹. Обручев совместно с офицерами Генштаба спланировал молниеносный прорыв через Балканы с целью застать турок врасплох и поставить весь мир перед свершившимся фактом³⁰. При-

²⁸ О событиях, которые привели к войне, см.: *Dietrich Geyer*. Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy 1860–1914. New Haven: Yale University Press, 1987. P. 65–85; *David MacKenzie*. Russia's Balkan policies under Alexander II, 1855–1881 // Hugh Ragsdale and Valerii Nikolaevich Ponomarev, eds. Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press and the Woodrow Wilson Center Press, 1993. P. 219–246.

²⁹ Айрапетов О. Р. Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев, 1830–1904. СПб., 1998.

³⁰ Всеобъемлющее описание русского военного плана см.: *David Rich*. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge, MA, 1998. P. 127–146. Оценку этого плана см.: *William C. Fuller*. Strategy and Power in Russia, 1600–1914. New York, 1992. P. 311–317.

близительно основываясь на этом плане, Балканская кампания разделялась на три этапа: 1) в июне и в июле четыре русских армейских корпуса при поддержке румын перешли из Бессарабии в Валахию и переправились через Дунай, создав надежный плацдарм на его южном берегу. 2) На следующем этапе, продолжавшемся с июля по декабрь, вторгшиеся в Болгарию русские практически сразу же застряли на местности, препятствовавшей быстрым передвижениям, что еще сильнее усугублялось наличием турецких крепостей на балканских перевалах. Главные сражения на этом этапе кампании происходили под Плевной, выдержавшей в июле и августе три штурма. Не сумев выбить турок из их редутов, русские, понеся ужасающие потери, решили обойти, окружить и осадить Плевну, чем и занимались до конца этой кампании. При потерях, доходивших до 25% офицерского корпуса и до 23% рядового состава, Верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич отказался от мысли о молниеносной войне на Балканах. Поэтому остаток кампании армия провела медленно и осторожно. 3) На третьем этапе, с осени до февраля, когда был подписан договор в Сан-Стефано, русская армия преодолела Балканы и стала непосредственно угрожать самому Константинополю³¹.

Помимо Балкан, которые представляли собой главный театр военных действий, русские также отправили войска на Кавказ — для предотвращения угрозы османского наступления на этом направлении и ради контроля за восточным побережьем Черного моря. Хотя русская императорская армия в конце концов одержала победу, сражаясь на Балканах летом, осенью и зимой 1877–1878 гг., она страдала от просчетов, начиная с неверных данных разведки о вражеских силах и заканчивая неумением предвидеть влияние рельефа и погоды на передвижение армии по изрезанной гористой местности. Однако более важным было то, что оперативная доктрина императорской армии не сумела привести ее к решающим победам на поле боя. Русская армия по-прежнему вела сражения в наполеоновском стиле: солдаты сомкнутыми рядами наступали по открытой местности на вражеские укрепления. Даже турки-османы обладали достаточной огневой мощью для того, чтобы вносить опустошения в ряды войск, подставлявшихся продольному ружейному огню. Несмотря на пагубное воздействие подобной практики на боевой дух и возможности армии, ключевые фигуры в командовании так и не сделали для себя должных выводов и не выучили ценные уроки, преподанные войной. Так, генерал М. И. Драгомиров, впоследствии возглавивший Никола-

³¹ Наилучший англоязычный обзор этой войны содержится в: *Menning. Bayonets Before Bullets*. P. 51–86. Также см. классическое исследование: *Керсновский А. А. История русской армии*. Т. 2. СПб., 1993. С. 202–280. См. также: *Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956; Золотарев В. А. Россия и Турция. Война 1877–78 гг. М., 1983.*

евскую академию и считавшийся одним из самых выдающихся тактических мыслителей в армии, был одним из командующих во время штурма турецких укреплений в Плевне. Он участвовал в «современном» сражении, видел, к чему приводит проведение операций в соответствии с практиковавшейся доктриной, и все же настаивал на том, что тщательно обученные и дисциплинированные войска смогут выстоять под смертоносным огнем на индустриализованном поле боя. Драгомиров и после войны сохранил решительное убеждение в том, что холодная сталь штыка более эффективна, чем любое современное штурмовое оружие, заряжающееся с казенной части, вследствие того влияния, которое фронтальная штыковая атака оказывает на боевой дух бойцов обеих сторон³².

После войны многие, от Александра II и Милютина до младшего офицерского состава, понимали необходимость исследования и оценки завершившегося конфликта для анализа успехов и неудач армии на Балканах, а также недавних реформ. К несчастью, такая оценка могла поставить под сомнение способности руководителей армии, во главе которой по-прежнему стояли, главным образом, члены Дома Романовых. Иными словами, сомнения в успешном руководстве были одновременно и сомнениями в способностях царских родственников. В конце концов, главнокомандующим армией, вторгшейся на Балканы, являлся великий князь Николай Николаевич-старший, брат царя, а его сын, царевич Александр, номинально командовал Восточным отрядом армии, состоявшим примерно из 70 тыс. человек и первоначально напавшим на крепость Рузук. В результате попытки изучить действия императорской армии во время войны 1877–1878 гг. сразу же завязли в болоте, куда их загнала озабоченность в отношении образа семьи Романовых и ее взаимосвязей с военными успехами и неудачами. Кроме того, как хорошо известно, задолго до того, как официальная историческая комиссия огласила итоги своей работы, царь Александр II был убит террористами 1 марта 1881 г. Его сын Александр III проявлял меньшую терпимость к новшествам, особенно под впечатлением от убийства своего отца, и вынудил Милютина уйти в отставку, что тот и сделал 5 мая 1881 г.

³² Биографию Драгомирова см.: Список Генерального штаба. СПб.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (В здании Главного Штаба), 1905. С. 7; *Бонч-Бруевич М. Д.* Михаил Иванович Драгомиров // Известия императорской Николаевской военной академии. № 25 (январь 1912). С. 80–100. Об учении Драгомирова см.: *Драгомиров М. И.* Избранные труды. Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1956; *Menning*. Bayonets Before Bullets. P. 38–39.

Судьба реформы в эпоху контрреформ

Милютина в должности военного министра сменил П. А. Ванновский, являвший собой квинтэссенцию гвардейского офицера. Нет нужды говорить, что он оказался в чрезвычайно непростом положении³³. Неся ответственность за общую безопасность империи, наряду с тем он подвергался серьезному давлению со стороны кругов, желающих обратить время вспять, то есть отменить все реформы Милютина. Но, несмотря на всю верность Ванновского императорской гвардии и ее окружению, он не мог себе позволить игнорировать цели милютинских реформ. Стоявшую перед ним задачу — дать армии интеллигентных и инициативных офицеров вне зависимости от их социального происхождения и, самое важное, обеспечить достаточное их количество для заполнения всех соответствующих вакансий в реформированной армии — нельзя было предать забвению в ходе контрреформ, не ставя под удар будущее армии и безопасность империи. Тем не менее через 25 дней после отставки Милютина Ванновский ограничил прием в военные училища, 30 мая 1881 г. представив Александру III план по их реорганизации. Указывая, что более 50% обучающихся в военных училищах приходят туда из иных учреждений, нежели военно-учебные заведения, Ванновский хотел сохранить доступ в военные училища лишь для выпускников только что реформированных им кадетских корпусов³⁴. Если внешне цель Ванновского состояла в том, чтобы принимать в военные училища лишь тех, кто уже получил соответствующее начальное военное образование, то в реальности он хотел ликвидировать альтернативные методы, использовавшиеся для получения доступа в военные училища, тем самым оставив в них лишь учащихся, обладавших правильным социальным происхождением. Александр III принял предложение Ванновского, но потребовал, чтобы всем офицерам была дана возможность поступать в военные училища посредством вступительных экзаменов, которые ежегодно должно было проводить Главное управление военно-учебных заведений. В данном случае Александр III показал себя проницательным правителем, понимавшим, что русская армия 1880-х гг. нуждалась в большем количестве обученных офицеров, нежели могла дать аристократия. Размеры армии и технические задачи современной войны требовали образования и под-

³³ Биографию Ванновского см.: *Лалаев М. С.* К юбилею военного министра генерал-адъютанта Ванновского. Материалы для биографии с кратким очерком развития военно-учебных заведений с 1881 по 1890 год. СПб., 1890. Глава 1; *П. С. Ванновский* (некролог) // Педагогический сборник. 1904 (апрель). С. 390–397.

³⁴ *L. G. Beskrovnyy. The Russian Army and Fleet in the Nineteenth Century / Gordon E. Smith, trans. Gulf Breeze, FL, 1996. P. 121.*

готовки всех квалифицированных и способных людей, вне зависимости от их социального происхождения³⁵.

Таким образом, Александр III и Ванновский приглушили самый скандальный аспект милютинских реформ, призванных открыть доступ в офицерский корпус для всех желающих. Действия Ванновского не могли не сказаться на социальном составе офицерского корпуса. Например, можно отметить исчезновение юнкеров, в данном случае офицеров неаристократического происхождения, из числа поступивших в Павловское военное училище в годы после отставки Милютина, как видно из следующей таблицы.

Количество зачисленных в Павловское военное училище, 1880–1896

Год	Количество зачисленных	Количество юнкеров
1880	196	33
1881	250	69
1882	186	14
1883	237	31
1884	186	6
1885	239	4
1886	201	1
1887	230	0
1888	175	7
1889	232	2
1890	209	0
1891	198	2
1892	214	1
1893	212	1
1894	189	1
1895	156	1
1896	223	6

Источник: Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома, 1798–1898. СПб., 1898. С. 581–582.

³⁵ Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома, 1798–1898. СПб., 1898. С. 576–578.

Ванновский фактически закрыл Павловское военное училище для офицеров неаристократического происхождения. Он старался сделать все возможное, чтобы угодить и реформаторам, и традиционалистам, в то же время сохраняя боеспособность императорской армии. Более того, Александр III понимал, что армия должна идти вперед, пусть и не в таком быстром темпе, какой задал Милютин, и принимать в офицерский корпус всех членов общества. Несмотря на серьезные попытки ограничить прием выходцев из социальных низов в некоторые военные училища, с приближением XX века в рядах императорского офицерского корпуса становилось все больше офицеров недворянского происхождения. Институциональные реформы Милютина, затрагивавшие военно-учебные заведения, по большей части не подверглись ревизии, потому что его преемники ничем не могли оправдать демонтаж учебной системы, созданной Милутиным³⁶.

Опираясь на успехи Генерального штаба во время русско-турецкой войны, а также благодаря собственным достижениям в качестве боевого командира, генерал М. И. Драгомиров принял в 1878 г. под свое начало Николаевскую академию Генерального штаба. В 1890 г. его сменил генерал Г. А. Леер, которому академия подчинялась до 1898 г.³⁷ Драгомиров уже долгое время являлся главным в русской армии разработчиком и исполнителем тактической доктрины. Леер в 1898 г. подал в отставку, имея репутацию талантливого оперативно-стратегического теоретика. Драгомиров и Леер совместно создали концепции, положенные в основу военной доктрины, с которой императорская армия вышла на поля сражений XX века. В то время как пересмотр Милутиным стандартов зачисления в академию, ее учебного плана и методов преподавания привел к повышению общего качества ее работы, ни общество в целом, ни, хуже того, армия, так и не сумели должным образом оценить роль офицеров Генерального штаба. Однако успешная работа во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. резко повысила статус и престиж Генерального штаба, тем самым представшего в глазах армии и общества в новом свете. Начиная с того момента и вплоть до свержения династии Романовых зачисление в академию Генерального штаба стало считаться чрезвычайно

³⁶ Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III, 1881–1894. СПб., 1903. С. 212–234. См. ниже статистические данные, подтверждающие этот вывод.

³⁷ Информативный, хотя и чрезмерно восторженный обзор деятельности академии Генерального штаба в период, когда ее возглавляли Драгомиров и Леер, см.: Столетие военного министерства. 1802–1902: Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба в 1825–1902. СПб., 1910. Кн. 2. Т. 4. С. 381–407. Этот же источник сформировал мои представления о влиянии русско-турецкой войны на профессионализацию Генерального штаба. Хорошим англоязычным источником по этой войне является донесение американского военного атташе. См.: *F. V. Greene. Report on the Russian Army and its Campaigns in Turkey in 1877–1878.* New York: D. Appleton and Company, 1879, oco6. P. 118–128.

Численность слушателей академии Генерального штаба, 1883–1903

	Младший класс	Старший класс	Геодезическое отделение	Дополнительный курс	Итого
1883	124	88	5	58	275
1884	124	88	5	58	275
1885	70	73	4	64	211
1886	70	73	4	64	211
1887	70	44	6	68	188
1888	72	56	4	37	169
1889	81	62	10	50	203
1890	Нет сведений				
1891	72	75	12	62	221
1892	72	80	4	66	222
1893	138	68	5	72	283
1894	136	113	3	65	317
1895	Нет сведений				
1896	Нет сведений				
1897	144	122	13	44	323
1898	137	126	13	85	361
1899	139	127	18	105	389
1900	156	110	12	70	348
1901	145	116	8	67	336
1902	144	117	7	79	347
1903	127	116	5	86	334

Источник: см. соответствующие тома «Всепоподданнейшего отчета о действиях военного министерства» (СПб., 1885–1905). Все тома этого отчета издавались через два года после того года, которому они были посвящены. Информация о Николаевской академии Генерального штаба всегда находилась в разделе о Главном штабе.

престижным, поскольку успехи в учебе давали выпускникам академии возможность стремительного повышения в чинах и назначения на самые желанные должности и позиции в армии, а также шанс наладить тесные связи с верховным армейским командованием, включая членов императорской семьи. Высшее военное образование в сочетании с постоянным пребыванием на виду привели к тому, что выпускники академии Гене-

рального штаба в 1880-е и 1890-е гг. заняли должности во всех штабах и в бюрократическом аппарате армии³⁸.

Поскольку офицеры русского Генерального штаба продемонстрировали пользу своего образования и подготовки в реальных боевых условиях, образовательные стандарты были по вполне понятной логике сочтены удовлетворительными и не требующими немедленного пересмотра. Офицеры Генерального штаба не только проявили свои навыки, но и нашли для себя новую роль при руководстве армией. Помимо того, что офицеры Генерального штаба исполняли административные обязанности в Военном министерстве и в Главном штабе, а также вели преподавательскую работу в многочисленных российских военно-учебных заведениях, отныне они считались необходимым ингредиентом в составе штабов дивизий и бригад³⁹. В результате основные усилия военной машины, по крайней мере с момента вступления Драгомирова в должность начальника Николаевской академии, были направлены на подготовку достаточного количества офицеров, требующихся для этой службы.

Из статистики зачисления в академию Генерального штаба следует, что число офицеров, стремившихся поступить и в итоге поступивших в это высшее военно-учебное заведение, значительно возросло в тот период, когда во главе академии стояли Драгомиров и Леер.

Число учащихся в академии резко возросло в 1890-е гг. благодаря новому положению, предложенному генералом Драгомировым и позволявшему офицерам поступать в академию Генерального штаба после двух, а не четырех лет службы в полевой армии⁴⁰. Новые условия приема в академию в сочетании с повышением статуса Генерального штаба в глазах общественности и военных кругов не только послужили для офицеров дополнительным стимулом для поступления в академию, но и внесли вклад в увеличение доли офицеров неблагородного происхождения среди выпускников академии⁴¹. Соответственно, в течение 1880-х и 1890-х гг. вопрос о социальном происхождении офицеров потерял свою остроту, так как Драгомиров и его

³⁸ Глиноецкий. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. С. 316.

³⁹ Состав Генерального штаба и обязанности его офицеров были недвусмысленно определены в следующем учебнике для старших курсов академии: *Макшеев Ф.* Русский генеральный штаб: состав и служба его. СПб., 1894. Издание этого учебника стало прорывом, поскольку он был первым в своем роде. По-видимому, учащиеся академии оставались более-менее в неведении относительно своих конкретных обязанностей и круга задач вплоть до 1894 г., когда Макшеев написал свой учебник, предназначавшийся для курса военной администрации.

⁴⁰ Столетие военного министерства. Кн. 2. Т. 4. С. 356.

⁴¹ Допуск офицеров-недворян в Генеральный штаб и в офицерский корпус вообще породил явление, которое П. А. Зайончковский называл «демократизацией офицерского корпуса». См.: *Зайончковский.* Самодержавие и русская армия... С. 294–338.

преемник Леер основные усилия прикладывали к реальному образованию, получаемому офицерами в академии⁴².

Николаевская академия Генерального штаба, будучи центром создания русской военной доктрины еще в те дни, когда в ней преподавал Милютин, вернула себе этот статус в период, когда ее возглавляли Драгомиров и Леер. Однако мышление, определявшее этот процесс, восходило к XVIII веку и к учению А. В. Суворова, великого полководца той эпохи. Отталкиваясь от его учения, Драгомиров развивал свои идеи о «воспитании» и «образовании». Несмотря на унижение Крымской войны и на недооценки, просчеты и трудности в достижении поставленной цели — собственно говоря, победы в недавней русско-турецкой войне, русская императорская армия, главным образом благодаря усилиям Драгомирова и Леера, вышла на поле боя XX века с оперативной доктриной, восходившей к мышлению XVIII века, наилучшим образом выражавшемуся во фразе «Пуля — дура, штык — молодец»⁴³. Тем не менее в 1880-е и 1890-е гг. в стенах академии проходили бурные дискуссии по вопросам военной доктрины, однако, как видно из следующей таблицы, они почти не отразились на содержании учебного курса академии.

Хотя не снятый с повестки дня вопрос о роли обучения офицеров Генерального штаба отражался в дискуссиях о том, следует ли давать в академии общее или специальное образование, из вышеприведенной таблицы четко видно, что учащиеся подавляющую часть своего времени посвящали изучению военных предметов. Сущность обучения в академии на протяжении 1880-х и 1890-х гг. мало изменилась, за одним важным, потенциально революционным исключением. Между 1883 и 1890 гг. в академии был отменен формальный курс военной истории, а вместо него появился новый курс, называвшийся «история военного искусства». Это изменение подхода к изучению военной истории представляло собой кульминацию двух дискуссий, оказавших непосредственное влияние на подготовку офицеров Генерального штаба в России. Первая из этих дискуссий касалась учета современной русской военной истории при обучении штабных офицеров. Вплоть до 1880-х гг. изучение военной истории в академии в первую оче-

⁴² Из этого не следует, что окончание Николаевской академии гарантировало должность в Генеральном штабе. А. И. Деникин упорно боролся за то, чтобы получить такое назначение, утверждая, что он был жертвой своего низкого социального происхождения. См.: A. I. Denikin. *The Career of a Tsarist Officer: Memoirs, 1872–1916* / Translated by Margaret Potoski. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. P. 55–64.

⁴³ Влияние и наследие Суворова обсуждаются в превосходной статье: *Bruce Menning*. *Russian Military Innovation in the Second half of the Eighteenth Century* // *War & Society*. 2:1. May 1984. P. 23–41, где речь идет не только о Суворове, но и о состоянии русской военной мысли. Также см.: *Menning*. *Bayonets before Bullets*. P. 123–152.

Содержание учебного курса в академии Генерального штаба

	Число лекций в неделю (в учебных часах)					
	1883		1890		1896	
	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.
Основные предметы						
Стратегия	0	2	0	2	0	2
Военная история	4	2,5	—	—	—	—
	Число лекций в неделю (в учебных часах)					
	1883		1890		1896	
	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.
Основные предметы						
Военное искусство	—	—	4	2	4	3
Тактика	4	0	4	0	4	1
Военная администрация	1,5	2	1,5	2	1,5	2
Военная статистика						
А) русская	0	2	0	2	0	2
Б) зарубежная	0	1	0	1	0	1
Геодезия и картография	2	1	2	1	2	1
Черчение и съемка местности	4	4	4	4	4	4
Вспомогательные предметы						
Фортификация	1	2	1	2	2	0,5
Артиллерия	1	0	1	0	1	0
Физическая геогр.	1	2	0	2	0	2
Русский язык	1	0	1	0	2	0,5
Полит. история	—	—	—	—	3	3
Железные дороги	—	—	—	—	0	1
Телеграф	—	—	—	—	0	2
Военные сообщения	—	—	1	1	1	1
Итого	19,5	16,5	18,5	21	24,5	26

Источник: см. соответствующие тома «Всеподданнейшего отчета».

редь подразумевало знакомство с классической зарубежной военной историей. В результате такого подхода учащиеся академии наверняка больше знали о Гражданской войне в США (теме, вызывавшей большой интерес) или об Александре Македонском, чем о недавнем опыте своей собственной армии. Вторая дискуссия, логически вытекавшая из первой, была связана с появившимся у офицеров в 1880-е гг. пониманием того, что для исправления оперативных недостатков русской армии следовало изучать военное прошлое страны и создавать новые доктрины, основанные на недавнем опыте и текущих возможностях. Создание курса военного искусства, призванного рассматривать оперативные вопросы в историческом контексте, было направлено на пересмотр русской военной доктрины⁴⁴.

Несмотря на эти тенденции, обучение в академии вплоть до начала русско-японской войны все так же страдало от чрезмерного педантизма, характерного для всего русского военного образования того периода. Природу этой проблемы помогает выявить мемуарная литература. Б. В. Геруа, учившийся в академии в 1901–1904 гг., писал, что некоторые преподаватели делали изучение военной истории интересным и информативным. Так, генералы А. З. Мышлаевский и Н. П. Михневич читали специальные курсы по таким недавним конфликтам, как франко-прусская война, или по таким темам, как взаимосвязь современных технологий с индустриализованным полем боя. С другой стороны, по словам Геруа, лекции профессора П. А. Гейсмана по истории военного искусства были скучными и фактически бесполезными для учащихся⁴⁵. Эти настроения более лаконично выразил другой выпускник академии Генерального штаба, А. А. Игнатъев, который, как и Геруа, служил в гвардейском полку до своего поступления в академию в 1899 г.:

«Гершка (прозвище Гейсмана. — Д. С.) ежегодно читал по написанному одну и ту же лекцию. Задолго до моего поступления в академию он напечатал свои учебники или, как он их сам величал, “ученые труды” по истории военного искусства от Александра Македонского до Наполеона. Это была бесталанная компиляция объемом в добрые десять тысяч страниц. Под всеми примечаниями было тщательно отмечено: “примечание автора”, из чего естественно явствовало, что самый текст был заимствован у кого-то другого. Немало часов пришлось нам сладко дремать под гнусавый и монотонный

⁴⁴ Классический советский источник, освещающий эти дискуссии: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 182–271. Общий обзор вопросов, поднятых в ходе этих дискуссий, см.: *Штейфон Б. А.* Национальная военная доктрина. Таллин, 1937. По-английски см.: *Jacob W. Kipp.* The Beginning: Imperial Russia and Soviet Mobil Warfare to 1920 // *Historical Analysis of the Use of Mobile Forces by Russia and the USSR.* (College Station, TX: The Center for Strategic Technology, Occasional paper No. 10, 1985). P. 37–45.

⁴⁵ *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 140.

голос Гершки, пересказывавшего на лекциях почти дословно тот или иной из своих учебников»⁴⁶.

Жалобы на скучные и бесполезные лекции, так же как и на коряво написанные, занудные учебники, характерны для всей соответствующей мемуарной литературы данной эпохи⁴⁷. Вне зависимости от реформ Милютина или от знаний и репутации Драгомирова и Леера преподавание в академии по-прежнему носило на себе отпечаток мышления XVIII — начала XIX в. не только в отношении методов обучения, но и в отношении военных дел, что было куда более опасно для судеб империи. Итогом разгоревшегося в академии конфликта о пользе военной истории стала неспособность использовать ее уроки и увязать их с модернизацией военной доктрины. Об этом также свидетельствует мемуарная литература: например, К. К. Акинтьевский, обучавшийся в академии после русско-японской войны, отмечал, что он закончил академию и поступил на службу в Генеральный штаб, почти не имея никакого понятия о единой русской военной доктрине⁴⁸.

Хуже того, даже при наличии подобия академической свободы профессорам академии следовало проявлять крайнюю осторожность в своей преподавательской работе. Например, в последние годы XIX века академия кипела негодованием на историческую комиссию по русско-турецкой войне 1877–1878 гг., так и не составившую никакой официальной истории этого конфликта. К возмущению студентов и профессоров, в академии не читалось никакого курса лекций по этой недавно завершившейся войне. В 1898 г. полковник Е. И. Мартынов попытался ввести такой курс, созданный на основе исследований официальной исторической комиссии, в учебный план академии Генерального штаба. Но после того, как несколько лекций из этого курса было прочитано избранной группе офицеров Генерального штаба и членов императорской семьи, от проекта пришлось отказаться. В лекциях Мартынова выявлялись причины оперативной негибкости, которая привела к тому, что продвижение армии затормозилось из-за плохой погоды и гористой местности на Балканах. Из подобного анализа в конечном счете следовало, что Верховное командование императорской армии нередко

⁴⁶ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989. С. 131.

⁴⁷ Хотя эти жалобы могут показаться знакомыми для университетских профессоров во всех частях света, стоит отметить, что Геруа выражал то же самое мнение о Гейсмане. См.: *Геруа*. Т. 1. С. 140–141. Деникин же просто критиковал уровень преподавания в академии вообще. См.: *Деникин А. И.* Старая армия. В 2 тт. Париж, 1929–1931. Т. 1. С. 64–68.

⁴⁸ *Акинтьевский К. К.* Воспоминания: Императорская николаевская военная доктрина. Бахметьевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff archive, Columbia University). Box No. 1. P. 56. Хороший обзор истории дискуссий о военной доктрине, особенно в период 1905–1914 гг., содержится в: *Штейфон*. Национальная военная доктрина.

оказывалось не в состоянии оценить собственные возможности во время боя. Более того, вступив в сражение, армия придерживалась доктрины, требовавшей от русских солдат атаковать под опустошительным вражеским огнем, в силу чего несла громадные потери, вынуждавшие войска прекращать наступление и выводившие из себя Верховное командование. Откровения Мартынова о недостатках Верховного командования слишком сильно задевали членов императорской семьи, командовавших армией во время балканской кампании⁴⁹. В результате царского вмешательства лекции Мартынова были запрещены, несмотря на то что вскоре после этого была издана многотомная история войны⁵⁰.

Несмотря на проходившую после Крымской войны неустанную борьбу за реформирование военной машины на всех уровнях и вследствие отчаянных усилий традиционалистов, императорская армия вступила в XX век, придерживаясь давно отжившей свой век учебной практики. У нас почти нет свидетельств о существовании серьезных военных упражнений на каком-либо уровне подготовки русских офицеров или их дальнейшей карьеры. Вместо этого цель полевых учений, касалось ли это кадетских корпусов, юнкерских и военных училищ или даже академии Генерального штаба, состояла в том, чтобы подготовить учащихся к императорской инспекции — чтобы царь остался ими доволен во время любых смотров и проверок. Помимо умения ходить строем перед царем, полевые упражнения в основном обучали офицеров тому, как поддерживать дисциплину в войсках и внушать солдатам уважение к своим командирам⁵¹. При этом почти не прилагалось усилий к тому, чтобы подготовить будущих офицеров к командованию крупными частями на марше и во время их маневров на поле боя. Таким образом, фундаментальный изъян императорской армии в преддверии конфликтов XX века скрывался в учебной системе, которая, конечно, отражала в себе доктринерское мышление интеллектуальной элиты вооруженных сил. Такие люди, как Драгомиров и Леер, понимали, что полевые учения, особенно проводившиеся в летние месяцы, должны обучать будущих военных вождей тонкому искусству командования и обеспечить им соответствующую практику⁵². В то же время

⁴⁹ Denikin. Career. P. 56; Зайончковский. Самодержавие и русская армия... С. 322.

⁵⁰ В результате работы комиссии на свет появилось 97-томное исследование войны. См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 97 тт. СПб., 1898–1911. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. поистине стала забытой войной в русской военной истории. К тому времени, как изучение недавних войн стало в академии общепризнанным фактом, кампания 1877–1878 гг. оказалась в тени катастрофы 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке.

⁵¹ Гребенщиков. С. 138–139; Краснов. С. 26–28.

⁵² Об идеях самого Леера в отношении подготовки войск и роли тактики в военном деле см.: Леер Г. А. Прикладная тактика. СПб., 1877. С. 1–15.

они отрицательно относились к обычаю крупномасштабных маневров, считая их пустой тратой времени, несмотря на постоянно возрастающие масштабы армий и полей сражений. Вместо этого они — в первую очередь Драгомиров — решительно выступали за маневры, проводившиеся мелкими частями, считая, что они дают будущим офицерам наилучшую возможность обучиться тонкостям своей профессии⁵³. Поэтому вплоть до отставки Ванновского в сфере практической подготовки армии не происходило почти никаких изменений.

*А. Н. Куропаткин
и продолжение военных реформ*

До тех пор, пока офицерский корпус находился под полным контролем аристократии, изменить такое отношение к практическим учениям едва ли было возможно. Очередным сторонником нового подхода стал А. Н. Куропаткин, в 1898 г. сменивший Ванновского в должности военного министра. Куропаткин был представителем новой породы штабных офицеров, которым принесло заметную пользу обучение в заведениях, реформированных Милютиным. Куропаткин не отличался высоким аристократическим происхождением, и его главные задачи не имели никакого отношения к защите традиционного статуса придворных кругов. Вместо этого Куропаткин был намерен улучшить подготовку будущих офицеров и расширять ряды офицерского корпуса русской армии. После своего назначения военным министром он принял меры к увеличению количества военно-учебных заведений, преобразовав все юнкерские училища в военные, обучение в которых велось по той же программе, что и в шести училищах, созданных Милютиным в 1860-х гг.⁵⁴ О результатах этого решения свидетельствует следующая таблица: В целом, после 1898 г. из военных училищ было выпущено не менее 50% поступивших в них абитуриентов. Медленно, но верно военные училища становились доступными

⁵³ Ведя еженедельную колонку в журнале «Разведчик», Драгомиров написал для нее столько статей, что они составили три тома, будучи собранными воедино. См.: Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1880. В 2 тт. СПб., 1881; *Драгомиров М. И.* 14 лет, 1881–1894: Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1895. Отношение Драгомирова к мелкомасштабным маневрам подробно обсуждается во введении Л. Г. Бескровного к: *Драгомиров*. Избранные труды. С. 7. Следующий курс лекций, изданных посмертно (Драгомиров умер в 1905 г.), предназначался для молодого Николая II: *Драгомиров М. И.* Конспект лекций по тактике // Военный сборник. 1912. № 9. С. 24.

⁵⁴ Приложения к отчету Генерал-Адъютанта Куропаткина: Улучшение быта офицеров. Варшава, 1906. С. 7.

Количество зачисленных в военные училища и их выпускников

Год	Зачислено	Выпущено
1880	1 272	642
1884	1 502	752
1885	1 525	—
1890	1 524	732
1891	1 600	—
1894	1 572	1 031
1895	1 116	—
1899	1 501	773
1900	1 584	673
1901	1 695	807
1902	1 907	1 023
1903	1 854	857
1904	1 926	917
1905	1 975	865
1906	2 056	964
1907	2 319	1 037
1908	2 276	1 050
1909	3 077	1 463
1910	5 243	2 146
1911	5 566	2 116
1912	5 837	2 222
1913	5 000	2 100
1914	5 000	2 831

Источники: за 1880 г. см. Педагогический сборник. Ч. III. Апрель — май — июнь 1882. С. 6. За 1884–1900 гг. см. соответствующие тома «Всеподданнейшего отчета о действиях военного министерства»; за 1900–1914 гг. см.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 33.

для всех способных офицеров в армии. К моменту убийства Александра II (1881 г.) в русской армии насчитывалось 1462 тыс. человек. В том же году Главное управление военно-учебных заведений дало офицерскому корпусу 605 выпускников подведомственных ему заведений. К моменту внезапной кончины Александра III (1894) размер русской армии увеличился

до 2 352 тыс. человек, а военно-учебные заведения в том году окончил 1 171 человек. Таким образом, военно-учебные заведения шли нога в ногу с разрастанием армии. Открыв военные училища для всех способных офицеров, Куропаткин обеспечил достаточное число офицеров для всех армейских должностей⁵⁵.

Помимо этого, в период пребывания Куропаткина в должности военного министра офицерский корпус императорской армии наконец-то оказался открыт для людей любого социального происхождения. Об этой тенденции свидетельствуют следующие данные по социальному составу военно-учебных заведений.

Социальный состав военно-учебных заведений в %, 1880–1914

Год	Дворянство		Офицеры и чиновники	Дух.	Каз.	Купе- чество	Крестья- не	Ин.
	Н	Л						
1880	65,29	5,96	12,64	2,03	4,50	9,58		—
1884	71,67	2,56	16,14	1,44	3,34	4,5		0, 2
1890	59,18	30,83		0, 62	4,13	5,18		—
1894	63,89	21,14		1,25	9,90	3,82		—
1899	34,26	37,80		2,15	2,08	23,61		0, 1
1906	35,96	5,16	54,27	0, 53	1,51	1,78	—	—
1907	38,65	—	55,28	0, 72	1,45	3,11	—	0, 79
1912	15,27	16,04	14,6	3,30	7,01	25,41	18,18	0, 011

Сокращения: Н — дети наследственных дворян; Л — дети личных дворян, Дух. — дети духовенства; Каз. — дети казачества; Ин. — дети иностранцев.

Примечание. До 1905 г. вышеприведенные цифры основаны на данных о зачисленных в шесть первоначальных военных училищ — Павловское, Константиновское и Александровское пехотные училища, Николаевское кавалерийское, Николаевское инженерное и Михайловское артиллерийское училища. После русско-японской войны Главное управление военно-учебных заведений стало включать в эту статистику и юнкерские училища.

Источники: за 1880 г. см. Педагогический сборник. Ч. II. Апрель — май — июнь 1882. С. 13; за остальные годы см. соответствующие тома «Всеподданнейшего отчета о действиях военного министерства».

⁵⁵ О размерах армии см.: Приложения к отчету Генерал-Адъютанта Куропаткина. С. 1. Число выпускников военно-учебных заведений см.: Столетие военного министерства, 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Т. X. Ч. III. С. 146.

Несмотря на поставленную Ванновским цель принимать в военные училища лишь выпускников кадетских корпусов, доля представителей потомственного дворянства, зачисленных в военные училища, сократилась с 65,29% в 1880 г. до 15,27% в 1912 г. Разумеется, не один Куропаткин отвечал за снижение доли потомственного дворянства в военных училищах. Это 40-процентное снижение стало результатом процесса, начало которому положил Милютин. Несмотря на попытки Ванновского, в течение всего периода его пребывания в должности военного министра, сохранить присутствие потомственного дворянства в русских военно-учебных заведениях, их доля среди зачисленных в военные училища сократилась до 34,26% — на 30% меньше по сравнению с составом этих училищ в 1880 г. Усилия Ванновского не предотвратили утрату наследственной знатью доминирующих позиций в кадетских корпусах. Эта получившая широкое распространение тенденция к началу XX в. привела к тому, что потомственное дворянство во всех военно-учебных заведениях оказалось в явном меньшинстве. Отныне большинство в военных училищах принадлежало выходцам из слоя среднего чиновничества. В результате армейская карьера оказалась открыта для всех целеустремленных людей, вне зависимости от их социального происхождения. Русская военная машина не могла себе позволить придерживаться кастового менталитета, присущего традиционной служилой элите, из-за разрастания размеров армии.

Соответственно, одним из результатов реформ Милютина к началу XX в. стало появление в офицерском корпусе значительного слоя офицеров недворянского происхождения. Усилия Милютина превратить военную карьеру в один из путей социальной мобильности сказались на рубеже веков и на армии, и на Генеральном штабе. В 1895 г., вскоре после восхождения Николая II на престол, императорский офицерский корпус насчитывал 31 350 человек. Из их числа лишь 15 938 офицеров, или 50,8%, имели благородное происхождение, что стало серьезным изменением по сравнению с дореформенным периодом, когда высший класс доминировал в офицерском корпусе⁵⁶. Эти цифры свидетельствуют о широком проникновении недворянского элемента в офицерский корпус и тем самым демонстрируют, насколько успешными в итоге оказались милютинские реформы. Устранение социальных барьеров на пути к высшим армейским должностям затронуло в этот период и Генеральный штаб. Из 858 офицеров (3% от общей численности офицерского корпуса), числившихся в 1899 г. в списке Генерального штаба, 260 были генералами, из которых 149 (57%) начинали свою карьеру в качестве гвардейских

⁵⁶ Зайончковский. Самодержавие и русская армия... С. 202–206.

офицеров⁵⁷. Однако об ограниченной готовности Верховного русского командования к грядущим вызовам лучше говорит тот факт, что из этих 260 генералов только 80, или 31%, обучались в каком-либо из военных училищ, созданных Милютиным ради подготовки офицеров к будущим войнам. Лишь в следующем поколении офицеров число тех, кто обучался в военных училищах, составило значительную долю в командном составе. К 1914 г. практически каждый генерал в составе Генерального штаба был воспитанником одного из военных училищ⁵⁸.

Несмотря на глубокое понимание Куропаткиным армии и ее проблем, он не обладал ни проницательностью, ни кругозором своего более способного предшественника Милютина и никогда не пользовался такими же поддержкой и доверием со стороны Николая II, какие получал Милютин от Александра II или Ванновский от Александра III. Тем не менее Куропаткин принялся за осуществление собственного плана по реформированию Николаевской академии, направленного на ее преобразование в военный университет в противоположность специальному штабному учебному заведению. Согласно идеям Куропаткина, академическое образование следовало поднять на новый уровень по всем тем причинам, на которые указывалось в мемуарах, — большинство лекций были либо скучными, либо бесполезными, а студентов перегружали бесконечными формальными заданиями, ничего не дававшими им в плане практического командования войсками. Идея Куропаткина по реформированию Николаевской академии состояла в том, чтобы превратить ее в военный университет, обеспечивавший офицеров интеллектуальными средствами для решения сложных задач⁵⁹. В дополнение к подобному образованию, задавшись целью обеспечить будущим штабным офицерам такую тренировку, которая бы подготовила их к работе на современном поле боя, Куропаткин попытался видоизменить проведение маневров и военных учений мирного времени с тем, чтобы превратить их в практические занятия, более подходящие для офицеров, которым предстояло командовать войсками в реальной боевой обстановке. Он поставил перед собой задачу модернизировать всю военную машину посредством создания и развития единой системы подготовки⁶⁰.

---

⁵⁷ Список Генерального штаба. СПб., 1899.

⁵⁸ Список Генерального штаба. СПб., 1914.

⁵⁹ Дискуссии о том, следует ли давать в академии Генерального штаба специальное или общее военное образование, продолжались вплоть до краха Российской империи. Их содержание удачно сформулировано в: *Калнин Э. Х. Генеральный штаб и его специальность*. СПб., 1909.

⁶⁰ *John W. Steinberg. All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press and the Woodrow Wilson Center Press, 2010. P. 37–44.

Однако в годы пребывания Куропаткина в должности военного министра (1898–1904) приверженность традициям и сопротивление реформе были столь сильны, что Куропаткину стало ясно: попытки покуситься на освященные временем обычаи военных маневров затрагивают самое больное место офицеров императорской свиты и гвардейских полков. При поддержке грозного Драгомирова традиционно мыслящие гвардейские офицеры мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении ресурсы, включая поддержку царя, с целью сохранения давно отживших свой век армейских традиций полевых учений. Драгомиров, покинув Николаевскую академию, был назначен командующим Киевским военным округом, благодаря чему сохранял большое влияние, особенно в сфере армейского обучения. Более того, поскольку он был наставником будущего императора Николая II в военных делах, тот прислушивался к его мнению вплоть до смерти Драгомирова в 1905 г.

Тем не менее Куропаткин понимал и символическое, и практическое значение ежегодных военных учений и истратил огромное количество политического и финансового капитала на то, чтобы в августе — сентябре 1902 г. провести в Курской губернии крупнейшие в истории Российской империи военные маневры⁶¹. Для этих маневров потребовалась мобилизация двух военных округов целиком и еще двух — частично. В Курских маневрах приняло участие более 90 тыс. человек, при том, что прежде даже маневры с 10 тыс. участников производили впечатление грандиозных. Куропаткин стремился дать своей армии опыт передвижения огромных людских масс на поле боя и вне его: он хотел, чтобы солдаты маршировали, командиры командовали, но в первую очередь он хотел выяснить логистические возможности армии. После завершения маневров Драгомиров выходил из себя, обвиняя Куропаткина в пустой растрате сил и средств. Что еще хуже, практическое значение маневров было обесмыслено присутствием царя; его сторона должна была победить, и все это знали. Но самым пагубным и для ближайшего будущего империи, и для самого Куропаткина было то, что, как ему стало ясно, от него могли ожидать неверного решения или шага в ключевой момент сражения⁶².

⁶¹ Отчет о большом маневре в Курской губернии в высочайшем присутствии в 1902 году: Московская армия. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1903; Отчет о большом маневре в Курской губернии в высочайшем присутствии в 1902 году: Южная армия. Киев: Типография штаба Киевского военного округа, 1903. Помимо этих обстоятельных официальных отчетов, есть и краткие описания: Московская армия на больших маневрах под Курском // Разведчик. № 626. 1902. С. 925–929; № 627. 1902. С. 948–953; Действия Южной армии на Курских маневрах в высочайшем присутствии в 1902 году // Разведчик. № 637. 1903. С. 4–9; № 638. 1903. С. 30–35.

⁶² Steinberg. All the Tsar's Men. P. 117–147.

Заключение

Под Курском Куропаткин не только понял, что царь и его свита являются главным препятствием на пути реформ, но и был вынужден признать, что модернизацию армии тормозят военные традиции. Разногласия между Куропаткиным и царем с его сторонниками по поводу Курских маневров заставили военного министра и многих других прогрессивных мыслителей пересмотреть вопрос о том, какие военные реформы были реальны, а какие — нереальны⁶³. Хотя полный провал Куропаткина как командующего на русско-японской войне вынудил его к преждевременной и фактически позорной отставке, ничто не могло остановить начатого им процесса реформирования русского военного образования. Правильно понимая, что во всех родах войск ощущается крайняя нехватка образованных офицеров, он открыл доступ в военные училища для всех способных царских подданных, в то же время превращая юнкерские училища в военные. Более чем удвоив число военных училищ, дававших офицерам специальное военное образование, Куропаткин раз и навсегда покончил с засильем аристократии в офицерском корпусе, по крайней мере, в численном выражении. Он понимал, что Россия нуждается в квалифицированных людях для заполнения вакансий в офицерском корпусе и в достаточном числе военных училищ ради удовлетворения этой потребности, несмотря на протесты со стороны традиционной служилой элиты — офицеров гвардейских полков. Таким образом, его влияние на образование, дававшееся в военных училищах, представляло собой кульминационный момент создания профессионального офицерского корпуса в дореволюционный период российской истории. Однако подобный прогресс, как хорошо известно, уже не сумел помочь ни императорской армии, ни режиму.

К началу XX века, в промежутке между неустанными усилиями Милютина и последующим возвышением А. Н. Куропаткина, который сам по себе был порождением его реформ, в русском обществе стало возникать подобие единой системы военного образования, способной на подготовку офицеров для современного боя. Слабым местом этой системы были низкая квалификация преподавателей и устаревшие педагогические методы. Ее сотрясали бесконечные дебаты о том, каким именно должно быть содержание учебных курсов. Она подвергалась нападкам традиционной элиты, последовавшим

---

⁶³ В конечном счете решение вопроса о том, как повысить эффективность полевых учений, состояло в том, чтобы проводить скромные полковые учения как можно дальше от глаз царя, его родственников и их непоколебимых приверженцев. Хороший обзор роли маневров в русской военной традиции см.: *Гареев М. А.* Общевоинские учения. М.: Военное издательство, 1990. С. 8–90. Примеры того, как мелкомасштабные маневры повышали эффективность учений, см.: *Steinberg.* All the Tsar's Men. P. 232–270.

за убийством Александра II, отставкой Милютина и усилиями Ванновского по сохранению позиций дворянства в офицерском корпусе. Тем не менее с момента завершения Крымской войны и вплоть до падения династии Романовых военное образование постоянно претерпевало изменения, имевшие целью найти более удачные и более продуктивные методы обучения русских офицеров. Одним из следствий этого процесса, главным образом по причине постоянно увеличивавшейся потребности в офицерах, была утрата аристократией контроля над командными должностями в армии. Вследствие того, что офицеры Генерального штаба получали широкое образование как в военных, так и в гражданских училищах и академиях, они оказались в числе подданных империи, обладавших наиболее передовым мышлением. К началу XX века даже царь был вынужден неохотно признать, что офицеры Генерального штаба, вне зависимости от их личного происхождения, были людьми, лучше других понимающими всю сложность мира, в котором они жили, — они были военными профессионалами, от которых зависела охрана режима от внутренних и внешних врагов.

Однако глубоко укоренившиеся социальные различия воспрепятствовали появлению сплоченной военной элиты, которая бы обладала влиянием и дальновидностью для того, чтобы решать стоявшие перед империей военные проблемы. Ни одна реформа, как бы блестяще она ни была задумана и как бы мастерски ни была исполнена, не могла преодолеть наследия военных, политических и социальных обычаев, складывавшихся, по меньшей мере, в течение двухсот лет. Реформы Милютина начали процесс преодоления власти традиционной военной элиты и создания институтов, которые вымостили путь к подготовке военных профессионалов. К 1914 году перестроенная система военного образования готовила офицеров в количестве, достаточном для управления массовой армией. Реформаторы сделали все, что было в их силах, чтобы во второй половине XIX и начале XX века осуществить в России модернизацию армии. Тем не менее традиционалисты сохраняли власть и по-прежнему сопротивлялись всему, что воспринимали как угрозу своей позиции и авторитету. Пестрый социальный состав русского офицерского корпуса, в сочетании с крайне централизованной военной администрацией, не говоря уже о постоянном вмешательстве со стороны царя, его родственников и их всевозможных приближенных, особенно всякий раз, когда армия пыталась проводить практические полевые учения, не позволил Генеральному штабу превратиться в такой всемогущий орган, каким он был в Германии, и обладать достаточным авторитетом, чтобы привести русскую армию к победе на полях сражений начала XX столетия.